

Оры и засивай ланы,
Косы широко перелоги,
И грошки за баштаны лупы,
Та все жь одкинешь ноги.

Покинешь все: стижки—и—скирты,
Всѣ ласонци: паслѣнь, цыбулю;
Загарба иншій все,—а ты
Зьбѣси, за гѣрку працю, дулю.

Чи соцькимъ батько твѣй въ селѣ,
Чи самъ на панцинѣ працюе,
А смерть зрѣвнѣ всѣхъ въ землѣ;
Ни зь кѣмъ скажена не жартуе.

„Чи чить? „чи лишка? — загука:
Ты крикнешь, „чить!... „Та брешешь
сыну!»

Озветця падлюка, съ кутка,
Та—й—зцуцить зь пѣчи въ домовину!

АРТЕМОВСКІЙ ГУЛАКЪ.

ДО ПАРХИМА

Пархиме! не мудруй, ворожки не пытай,
Якъ довгий вѣкъ прокоротаешь!
Що выковала вже зозуля,—поживай;
А бильше... шкода, що —й бажаешь.

Хочь всѣхъ ты упырѣвъ збери и знахо-
рѣвъ

Хочь покумайся ты зь вѣдьмами:
Ни хто не скаже намъ, такъ, якъ бы ты
хотѣвъ

Що доля завтра зробить зь нами!..

Чи доведетца ще подушине заплатить

Чи до снаги вже расплатився
На що? при що? надъ симъ чупрыну
грѣть?

Дурный, дурный! а въ школі вчився!

Терпѣ:—за долею, куды похне, хились,
Якъ хилитця одъ вѣтру гилка:

Чи будемъ жить? чи ввремь? Пархиме,
не журишь,

Журишь обь тимъ, чи е горѣлка!

А е? такъ при на стилѣ частуй; та-й
самъ кругляй.

Чи намъ, Пархиме, треба скѣлки?

Та вже жь, чи вкоротать свѣй вѣкъ:—то
вкоротай
Въ шинку, надъ бочкою горѣлки.

Отъ мы базюкасмъ—а часъ, мовъ вѣлъ съ
горы

Чухра: юго не налыгаешь!

Отъ скѣлки бѣ выпили до сеи мы поры,
Такъ ты буцимъ не дочуваешь.

Ну жь! цупъ останню ты гривняку зь
капшюка,

Поки стара пере гончирки,
Бо вже якъ вернетця, то думка бачъ така,
Що ввремь обьдѣва безъ горѣлки.

АРТЕМОВСКІЙ ГУЛАКЪ.

1827 года

7-го ноября.

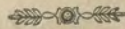

СТАРЕЦЬ.

Не свѣтель мѣръ его очамъ,
Въ немъ кровь остыла къ наслажденю,
И къ дѣвы пламеннымъ устами,
И къ груди трепетной волненю.
Въ немъ взоръ желаньемъ не горить,
Его мечта оледенѣла,
И равнодушень—онъ глядитъ
На роскошь бархатнаго тѣла.
Порою память прежнихъ лѣтъ,
Во взоръ пролетѣтъ печальный свѣтъ,
И гаснетъ вдругъ, какъ лучъ денницы,
Скользнувшій робко въ мракъ темницы.
Его удѣлъ: терпѣть, терпѣть...
Но здѣсь за долгое терпѣнье,
Онъ видитъ въ небѣ награжденье,
Онъ жаждетъ на небо смотрѣть!....

Н. ГОРДѢВЪ.

1840 г. С. Петербургъ.

СЕМЕЙНЫЙ ШТИЛЬ И ШТОРМЪ.

Какъ солнце ясное горитъ подъ небесами,
И тихій вѣтерокъ играетъ парусами,
Корабль несетъ ихъ всѣ, какія можетъ
несть,

Какія только есть:

Отъ грота страшнаго до трюмселей чуть
видныхъ
— Бываютъ у морскихъ часа два-три,
завидныхъ,
Но море сердится, вѣтръ дуетъ посиль-
нѣй —

Долой все поскорѣй:

Все съ верху уберутъ до самыхъ мар-
селей.
А вѣтру на морѣ раздолье — нѣтъ тарифа;
Черезъ полъ часа корабль, качается — въ
три рифа;
А засвѣжѣй еще, пожалуй онъ готовъ
Идти со всѣмъ безъ парусовъ....
Но только что начнеть вѣтръ тише ста-
новиться,
Корабль нашъ снова оперится,
Весъ парусами опушится:
И буря лишь пройдетъ
Онъ гордымъ лебедемъ по морю поплы-
ветъ.

Я былъ сего дня у сосѣда.

Такъ, въ гости завернулъ, не то чтобъ
для обѣда.

Хозяйка дома — по просту, жена —
Такъ ласкова была, такъ мило при-
няла,

Что въ чуже сердце радо;
Вотъ женъ такихъ искать и днемъ со
свѣчкой надо.

Тиха, какъ море въ штиль; любовью
вся полна;

Такъ къ мужу ластится, какъ къ
кораблю волна.

Въ сознаньи счастья, хозяйинъ, мой со-
сѣдъ,

Доволенъ самъ собой — ну, трюмсели не-
сеть!

Но подлѣ радости, въдъ слѣдомъ хо-
дить горе!

Штиль мало царствовалъ въ семей-
номъ морѣ.

Не знаю отъ чего скапризилась жена:
И въ домъ поднялась, какъ буря, куте-
рма.

Она — какъ вѣтръ свѣжѣтъ, и храбрый
мужъ скорѣй

Спускаетъ ниже тонъ — до самыхъ мар-
селей;

Капризамъ женщины, какъ вѣтру — нѣтъ
тарифа,

И смѣтливый супругъ — зарифился въ
три рифа. *)

Поднялся страшный шквалъ: съ ея по-
слѣднихъ словъ

Несчастный мой сосѣдъ молчитъ — безъ
парусовъ.

Но буря пронеслась, притихла
злость, и снова

Супруга нѣжничать готова;

А счастливый супругъ —

До трюмселей поднялся вдуруг!

Сосѣдъ! — подумаль я смотря на эти штуки,
Ты не сумѣлъ прибрать жену сначала въ
руки,

Такъ ужъ за то она
Прибрала молодца, теперь къ рукамъ
сама.

А тутъ хоть умный будь, хоть запросто
дуракъ

Начнешь лавировать, какъ опытный мо-
рякъ;

Частенько пополамъ и съ горемъ,
Да иначе нельзя съ такимъ бурливымъ
моремъ.

ЕВГЕНІЙ ЗАНЕВСКІЙ.

*) Просимъ гг. моряковъ слово «зари-
фиться» понимать поупулярно, а не въ
своемъ переносномъ значеніи. Редакт.